

“там, где секс, — всегда скандал”

Стивен Петронио —
Газете

Стивен Петронио: «Танцовщики — не какие-то эфемерные существа, а обычные люди: они танцуют, едят, занимаются сексом» Фотограф: Игорь Захаркин/Газета

После представления **Стивен Петронио** ответил на вопросы корреспондента Газеты **Ольги Гердт**.

Вы скучаете по семидесятым?

По семидесятым? Нет. Это было замечательное время, но мне нравится настоящее. В семидесятые в Америке все взрывалось. Это был расцвет музыки, поп-культуры, и не нужно было много классической тренировки. Самой популярной была фраза «сделай сам». Можно было взять гитару и начать играть на ней, не умея этого делать. Или выйти на сцену и танцевать — просто двигаться, не зная, что из этого получится. Так и я начинал.

Вы хотите сказать, что знаменитые американские постмодернисты, к которым и вас причисляют, — это самодеятельность? Да нет. Постмодернисты были революционерами в своей области. Мерс Каннингем,

Триша Браун, Люсинда Чайлз — они великие артисты, это были те люди, которых я встретил и у которых учился. В семидесятые я только начинал в труппе Триши Браун, но для меня большее значение имеют восьмидесятые. В эти годы мой протест уже оформился. Он заключался в том, чтобы не разделять культуру серьезного танца и современного. Я хотел соединить моду, визуальное искусство и современный танец. И еще сообщить танцу чувственность, поскольку в Америке, пуританской стране, всегда вырезали из танца все сексуальное.

И наверняка попадали в скандальные ситуации. Разумеется. Там, где секс, — всегда скандал. Но мне не хотелось бы сейчас все это заново поднимать. Я не искал скандала, а просто чувствовал, что нужно сделать. Танцовщики — не какие-то эфемерные существа, а обычные люди: они танцуют, едят, занимаются сексом. Об этом я хотел сказать. Классическая модель танца более неземная,

а моя приближена к реальности. При том что мой танец очень театрален, я хотел показать на сцене обычных людей, обычную жизнь.

Есть в вашей компании танцовщики, работающие с вами с первого дня? Нашей компании исполнится двадцать лет в следующем году, так что я единственный, кто от себя не ушел. Но вообще-то люди или остаются со мной на шесть-восемь лет, или уходят сразу, потому что очень сложно работать. Только особого качества танцовщики остаются. Дело не в технике. В них должна быть какая-то бесстрашность. И еще страсть. Потому что в процессе работы очень важна индивидуальная экспрессия. Например, в «Городе поехавших крыш» я создавал сольные портреты, которые являются реальными портретами танцовщиков, и в то же время это фикшн — их реальный и в то же время надуманный характер.

В «Городе поехавших крыш» вы хотели запечатлеть ритм Нью-Йорка. В чем особенность этого ритма?

В первую очередь это совсем не американский город. В Нью-Йорк приезжает огромное количество художников, которые хотят проверить себя, сравнить с другими. Это жадный город, в нем присутствует огромная конкуренция и одновременно — огромная доброта. Но что особенно меня интересовало — это ритм и чувства в Нью-Йорке после катастрофы. Я начал постановку до 11 сентября, а закончил после. Где-то половину я сделал потом.

«Город поехавших крыш» — это Нью-Йорк, а «Остров негодных игрушек»? Тоже Нью-Йорк. Только в этой работе присутствует агрессия. Это скорее мультипликационный образ, карикатура на все злое, плохое, что есть в Нью-Йорке. Конечно, не в буквальном смысле, а как представление о том, что такое bad Нью-Йорк. Я хотел сделать что-то специфичное о городе, в котором живу двадцать лет, что-то, на что можно посмотреть и сразу сказать: да, это из Нью-Йорка. Как вы думаете, зрители понимали, что происходит?

Мне показалось, что «Остров негодных игрушек» — это ирония по поводу того гламурного образа Америки, который создают не только Диснейленд и Голли-

вуд, но и балеты Баланчина, мюзиклы, американский модерн-данс... Я очень смеялась и удивлялась, что публика не смеется. Может, они боялись?

Да нет, просто русская публика считает, что балет — очень серьезное дело. Но соло, которое вы исполнили, наверняка заставило ее прослезиться. «Сломленный человек» — это вы о себе? (зажмывает голову руками и изображает рыдания) Нет, это не связано с моей биографией, скорее я хотел станцевать современного Пьеро. Создать постмодернистский образ его тоски. Импульсом была мысль о том, как мало человек может сделать в этой жизни, поэтому он постоянно бежит куда-то и постоянно оплакивает себя.

Постмодернизм в Америке жив? Или только в вашем лице?

Нет, есть еще коллективы... Но, честно говоря, я и сам не уверен, что занимаюсь постмодернизмом.

газета

enfant terrible американского танца

Стивен Петронио начал танцевать в 1974 году в труппе легендарной Триши Браун. Унаследовав от Браун любовь к минималистской музыке и формальным экспериментам («Нестабильные молекулярные структуры» — не тема научного доклада, а название одного из балетов Браун), Петронио в 1984 году создал собственный коллектив. Сегодня вместе с Билл Ти Джонсом, Венди Перрон и другими его относят к поколению постмодернистов, довольно ярко заявивших о себе в восьмидесятые годы. Стремясь расширить границы танцевального зрелища, Петронио привлёк к сотрудничеству современных композиторов, художников и дизайнеров. Кроме спектаклей в собственной труппе Стивен Петронио ставил во Франкфуртском балете Уильяма Форсайта, в берлинской Дойче Опер, Лионской опере и многих других театрах.

теперь он знает, что такое любовь

ОЛЬГА ГЕРДТ

В Москве в рамках фестиваля DancelInversion впервые выступила танцевальная компания, возглавляемая Стивеном Петронио — легендарным хореографом поколения американских постмодернистов восьмидесятых. Кроме старых работ труппа показала в Москве мировую премьеру спектакля «Остров негодных игрушек».

Газета — 2003-28 окт — с. 7.

Стивен Петронио — человек с лысой головой, детской улыбкой и огромной татуировкой от запястья до плеча «Теперь я знаю, что такое любовь» — никогда не выступал в Москве. При том что его труппа объездила весь мир, а список наград Стивена за вклад в хореографию не меньше списка театров, в которых он делал постановки. Когда Петронио спросил: «Вы не будете к нам очень суровы в своей газете?», я решила, что он кокетничает. Место Петронио в истории танцаваганарда так прочно, что можно было бы требовать аплодисментов только за это. Или вообще им не интересоваться. Но Петронио — человек трепетный, и уже тем только, что боится забронзоветь, — верен родным восьмидесятым.

У Стивена репутация «ужасного ребенка». Но если вы посмотрите на сцену, то увидите, что из всех восьмидесятников, нарушавших табу на сцене и в жизни, Петронио — самый сентиментальный, человечный и «танцевальный». Любые манифесты — будь то борьба за права геев или политический протест — он переводит на язык чистого танца, главные характеристики которого феерическая легкость движения и зыбкость моментально, как по дуновению ветра, улетучивающихся образов. Московскую программу Петронио составил из посвяще-

ний городу, в котором начал карьеру, прославился и в котором продолжает жить, наблюдая меняющийся ландшафт. «Город поехавших крыш» — «омаж» Нью-Йорку, пережившему катастрофу 11 сентября. На фоне световых декораций (соавтор Петронио — художник Кен Табачник, известный по постановкам Боба Уилсона), рисующих то лестничные пролеты, то звездное небо, то башни небоскребов, танцовщики предстают в меланхолических соло, которые хореограф нанизывает на музыку Лори Андерсон, словно куплеты скорбной, как плач, но лишенной пафоса песни. Пульсация возникающего рисунка сродни джазовой импровизации, в которой цитируются разные мотивы, от «черного модерна» до мюзикла.

Петронио ни на чем не настаивает. И созданный обелиск он тут же разрушает в спектакле «Остров негодных игрушек». Вместе с юношами в цветастых пижамах и девушками в кукольных платьях под скрежещущие металлические звуки и чувствительные шлягеры вы отправляетесь в еще одно путешествие по Нью-Йорку. Распознаете его цвета и энергии — brutальные черные или жеманные восточные; смеетесь над утрированными чертами танцевальных культур — от Баланчина до Бродвея. Печаль и юмор вместе Петронио свел только в соло, которое сам исполнил между спектакля-

В спектаклях Стивена Петронио танцовщики и зрители отправляются в путешествие по Нью-Йорку Фотограф: Игорь Захаркин/Газета

ми: человек, к телу которого галстуком примотан пиджак — в итоге он болтается за спиной артиста, как сломанные крылья, — словно борется с земным притяжением. Скреживая ноги, трепеща руками, прислушиваясь к ударам сердца и дергаясь так, словно изнутри его колют иголками, Петронио превращает отчаянную конвульсию загнанного человека в поэтичнейшее посвящение. Себе, своему поколению и просто любому человеку, рискнувшему бороться с табу.